

Чем онлайн отличается от оффлайна, и какой теоретический смысл есть в этом различии

Полина Колозариди*

В эссе рассматривается методологический подход к границе между пространствами онлайн и оффлайн, а также обсуждаются основные характеристики понятия «онлайн».

Ключевые слова: онлайн, оффлайн, интернет

- Как проходит ваше исследование?
- Оно проходит онлайн.
- Онлайн?
- Да, в онлайн. То есть в Интернете. Электронно. Виртуально, понимаете?
- Приблизительно. (Пауза) А все же, что это значит для исследования?
- Да ничего. Это метод такой. Вернее, место для метода. Способ.

Примерно такой диалог можно было услышать еще недавно. Сейчас становится все проще объяснить, что такое Интернет, чем онлайн отличается от оффлайна. Накопилось много работ, которые показывают: изучать что-либо с помощью онлайн-методов можно и должно. Особенно если объект исследования сам недалек от Интернета. Или если он там находится? Или если его можно зафиксировать в Интернете? Тут снова начинается разногласия обозначений. В самом деле, с онлайн-методами и их научной рефлексией остается несколько основных проблем.

Первая проблема — это новизна терминов. Казалось бы, им уже много лет. Виртуальные сообщества, кибер-пространство, интернет-бизнес, онлайн-голосования. Но поменяйте эти словосочетания местами, и в некоторых случаях мало что изменится. Всегда ли мы знаем, в чем разница между киберкоммуной и виртуальным сообществом? Все эти приставки выглядят калькой с английского¹, и приходится пояснять историю каждого понятия.

Вторая сложность связана отдельно с приставкой «онлайн». Именно ее мы чаще всего используем: чтобы понять жанр исследования. Но жанр ли это? Чем, собственно, отличаются онлайн-методы от остальных? Они имитируют обычные методы или включают некие новые подходы, связанные со свойствами «онлайна»? Иными словами, что такое «онлайн» при проблематизации и выборе метода: особое пространство или свойство отношения?

Наконец, третья проблема — это проблема будущего. Через несколько лет не будет точной разницы между оффлайном и онлайн. Уже сейчас Интернет — это не отдельное пространство браузера, которое является для вас окном в мир. Что именно дадут

* Полина Колозариди, аспирант НИУ ВШЭ, сотрудник Центра изучения интернета и общества.

¹ В английском языке сейчас та же путаница. В англоязычной литературе чуть проще ориентироваться потому, что каждая приставка оказывается связана с определенной научной традицией. Скажем, Говард Рейнгольд занимается «виртуальными сообществами». Если исходить из этого, нужно считать кибер-сообщества более общим понятием. Правда, это так и не объясняет, что делать с их онлайн-коммуникацией.

нам возможности новых технологий, и остановится ли когда-то это движение — мы не знаем. Но уже сейчас полезно задуматься об этом, в конце концов, исследования «Интернета» таким, как мы сейчас его знаем, скоро станут историческими.

В этом эссе я предлагаю эти три проблемы к обсуждению. Мне хотелось бы начать с общих вопросов, и я надеюсь, что коллеги с методологической точностью смогут отнестись к этим соображениям и продолжить дискуссию.

Часть 1. Онлайн и его многочисленные синонимы

Путаница с названиями возникла из-за ступенчатой истории появления Интернета и связанных с ним технологий. Интернет появился как идея задолго до того, как возникли технологии. Если подойти к делу дотошно, то нужно вспомнить начало прошлого века — тогда появились первые утопии, описывающие, что в будущем не станет препятствия в виде расстояний, а будет всеобщее цифровое телевидение и телепатия (например, Watkins, 1900). До телепатии мы пока не дошли, хотя прототипы устройств, связывающих нейроны и микросхемы, уже есть. В любом случае, онлайн-среда не появилась вместе с технологиями, которые ее обеспечивали. В разделе Future studies она хранилась за много лет до этого.

Терминологическая точность требует начать с кибернетики, которая дала приставку «кибер» всему, что за ней последовало. И по сей день эта приставка используется, хотя о науке кибернетике мы слышим достаточно редко. Современное словоупотребление не очень избирательно. Кибер — это всё то же, только в Интернете. Киберденьги, кибертехнологии, кибер-интерфейс. К исходному значению уже не пробиться. Напомню, изначально кибернетика — это наука об управлении сложными системами с обратной связью (Винер, 1983²). Связь этого корня с известными технологиями — скорее историческая. Компьютеры возникали вместе с попытками применить их к новаторскому способу управления. И конечно, создатель кибернетики Норберт Винер по сей день цитируется в связи с теми изменениями, которые происходят на фоне развития технологий, а то и при их помощи. Правда, Винер — преимущественно философ, принадлежавший своему времени, и нам сложно назвать его прямыми последователями. Зато косвенных — очень много, многие современные философы технологий, порой неосознанно, повторяют подход Винера, в частности, его аналогию человека и машины.

Второй важный корень — это «вирту». Не в том смысле, в каком его использует политическая философия, а в значении «виртуального». Чаще всего это слово допускается в отношении видеоигр и систем симуляции. Виртуальный — это тот, который мы можем соотносить с реальным. И сказать, что он от него отличается. Термин «виртуальная реальность» был очень популярен в 1980–1990-е годы. В то время уже существовали возможности моделировать, например, управление самолетом или военными операциями, но такого рода имитации еще не были доступны повсеместно. Теоретики виртуальной реальности: Говард Рейнгольд или Джарон Ланье формулировали ее свойства, параллельно существовали активистские группы, ратующие за развитие виртуального общества, создатели кибер-манифеста или движения за свободное распространение информации (Beaudouin, Velkovska, 1999; Rheingold, 1993).

Чтобы употреблять это слово не окказионально, проясняя в каждом случае, что именно мы имеем в виду, а универсально, нам пришлось бы остановиться на единственном определении реальности. Социологическая традиция в таких случаях отсылает нас к работе Шюца «О множественности реальностей» (Шюц, 2003), в которой Шюц описывает иерархию миров, представляя конечной реальностью — повседневный мир. Именно в него все возвращается — из сна, научной реальности или фантазии. Виртуальная ре-

² Строго говоря, Винер не был изобретателем термина «кибернетика», но он популяризовал его, а также придал философское и математическое значение. Я привожу самое общее определение, учитывая, что кибернетика обобщает процессы, происходящие в обществе, человеке и машинах.

альность, доколе о ней уместно говорить в терминах Шюца, должна требовать перевода. Так, опыт, получаемый в видеоиграх, иногда нуждается в переводе. Можно привести пример игровых валют, которые предполагают конвертацию в «реальные» деньги, и пока не могут использоваться без этого перевода. С другой стороны, феномен игровых валют стал значим только из-за всемирного распространения игр, а не из-за их виртуальности. Представим, что любовь к ролевым играм, вроде исторических реконструкций или толкиенистских встреч, стала бы такой же популярной, как Lineage 2, и мы говорили бы о виртуальной валюте в том же значении, что и про современные игровые деньги. Иными словами, «виртуальное» не связано с компьютером, вне зависимости от того, противопоставляем ли мы его реальности.

Есть старая и консервативная традиция отождествлять технику с продолжением тела человека, когда мы говорим про виртуальное³. Именно виртуальное чаще всего отождествляется с симулятивным. Причина тому проста. Виртуальное — то, что стремится быть реальным. Симулирует реальное, что, собственно, и явствует из названий журналов и книг на эту тему. Они связывают симуляцию, имитацию и виртуальность. Это не значит, что они подменяют ее собой. Симуляция — это, например, учебный режим для обучения пилотов или военных. Они не летят на настоящем самолете, а имитируют полет с помощью соответствующих технологий. Сегодня все чаще вместо «виртуальной» используется понятие «дополненной реальности», когда имеется в виду, что реальность мира повседневной жизни дополняется объектами, доступными онлайн.

Третье популярное слово из нашего связанного тезауруса — это Интернет. Строго говоря, Интернет — это сеть компьютеров и других гаджетов и серверов, соединенных с помощью сетей и протоколов. Кажется, это определение, в силу своей технологической точности, должно покрывать все случаи использования онлайн-общения. Но это не совсем так. Последние исследования показывают, что люди зачастую не считают то, что они пользуются — Интернетом (доклады CIBAR-2013). Скажем, когда читают новости с помощью мобильных приложений. Более того, когда к Интернету будет подключаться все больше вещей из «внешнего» или «реального» мира, провести границу будет еще сложнее. Все больше явлений будет «в Интернете», и все меньше — вне его. Эту разницу можно понять, если задуматься о том, где находятся электронные книги, которые мы читаем. Иногда они скачиваются из Интернета, иногда читаются прямо с веб-страницы или программы для чтения онлайн. Всегда ли мы замечаем разницу? Едва ли. Тем более, что книгу нередко можно вывести из цифрового состояния и напечатать на бумаге. С развитием трехмерной печати это можно будет понять не только на примере текстов.

А вот различие онлайн-оффлайн остается пока самым строгим. Онлайн происходит именно то, что связано с установлением соединения «онлайн». Поэтому мы пользуемся именно словосочетанием «онлайн-методы», и, исходя из того различия, которое мы описали, оно не связано с другими значениями, я бы предположила, что, следовательно, является единственным корректным в отношении нашей темы.

Часть 2. Онлайн и метод

Онлайн как место

Теперь с этим тезаурусом мы отправляемся к методологическим вопросам. Различение «онлайн» и «оффлайн» начинается со сложности в речи. «Онлайн» может быть вариантом ответа на вопрос «Где?», своего рода пространственным обозначением. Если принять «онлайн» за свойство места, мы зададимся вопросом, является ли словосочетание «онлайн-пространство» недопустимым оксюмороном? То есть, может ли быть пространство там, где нет тела в привычном понимании?

³ Поцеловать даму с силиконовыми губами — означает ли это коснуться границ ее тела? Вероятно, да, но как быть, если вы целуете ее руку и обнаруживаете, что это протез?

Если говорить о пространстве, используя философскую категорию присутствия, то она связана главным образом с присутствием тела (Гумбрехт, 2006). Это консервативная традиция, кроме прочего объясняющая понятие технологии как продолжение тела. То есть рассуждение о технологии и присутствии возможно, если мы говорим о технике как продолжении тела. В начале XX века об этом писали немецкие философы (Капп и др., 1925), хотя в современной литературе и принято ссылаться в таком случае на Маклюэна (Маклюэн, 2003).

При этом замечу, что консерватизм такого рода не имеет ничего общего с вульгарно понятым постмодернизмом, который может казаться критичным по отношению ко всему, что лишено телесности. Принятое в отечественной науке обращение к Бодрийяру при каждом употреблении слова «виртуальный» имеет мало отношения и к консервативной традиции в науке, и к серьезной оппозиции «реального-виртуального», о которой мы написали выше. Более подробное исследование медиа и телесности можно найти в современной немецкой медиа-философии, которая, кстати, изучается и переводится в Санкт-Петербурге, в СПбГУ (например, Савчук, 2010; Степанов, 2010).

Однако, консервативная трактовка пространства, тела и места — одна из нескольких, и она достаточно редко используется в социологии. Предполагаю, что главная причина — она почти не операционализируется, тогда как социология концентрируется на том, что может быть связано с другим, даже в отрицании общества как предмета (Латур, 2014). Поэтому мы следуем за А. Ф. Филипповым, и говорим о пространстве как совокупности мест: «место *созерцается*, интуитивно или дискурсивно *постигается* как нечто данное» (Филиппов, 2008). При всей важности пространства и тела, созерцание и постижение позволяют интерпретировать и онлайн как возможное место, не превращая наше взаимодействие с компьютером в чистое взаимодействие с вещью⁴.

Онлайн как свойство

Второй возможный вариант трактовки — различать «оффлайн» и «онлайн» как свойства.

Их сложно обобщить и назвать *a priori*, так как если «онлайн» — это некоторое свойство, то его отсутствие тоже должно быть свойством. И если разнообразие практик использования интернет-сервисов можно свести к какому-то набору общих характеристик, то обозначить «оффлайн» можно в таком случае только через разницу с «онлайном»⁵. В противном случае «оффлайн» — это все. Иными словами, такая конструкция почти заранее обречена на постоянную референцию к и без того изменчивому «онлайну».

Есть два теоретических хода, которые могут прояснить это определение онлайн как свойства. Первое — это теория фреймов.

Фрейм онлайн-события — тема неплохо изученная, во многом именно благодаря исследованиям виртуальной реальности. Еще в начале 1990-х годов об этом писал теоретик виртуальности Говард Рейнгольд (Rheingold, 1993), Мария Чайко в 1993 г. предлагает при использовании фрейм-анализа для понимания виртуального перемещать фокус с результата на сам процесс взаимодействия (Chaiko, 1993). Кроме того, становится ясно, что при анализе виртуального нужно понимать, что происходит с технологиями, но главное — что они означают для человека, который ими пользуется. Возвращаясь к на-

⁴ Взаимодействие происходит и на уровне обращения с вещами, в этом смысле взаимодействуя онлайн, мы в некотором смысле оказываемся программами друг для друга. Подробнее об этом можно прочитать в исследованиях Human-computer interaction, это направление дает возможность объяснить, как быть, раз вместо человека оказался компьютер. Впрочем, социологи пока только начинают претендовать на значительную роль в концептуализации этой темы (Zemnikhova, 2012).

⁵ Такая апофатическая трактовка — это единственная альтернатива подробно описанной выше трактовке «онлайна» и «оффлайна» как онтологически разных явлений. Если оффлайн — это свойство общения, то, чтобы не говорить о нем как о «традиционном», нам пришлось бы отличать его отсутствием онлайн. Это и приводит к описанной рекурсии.

шему вопросу влияния на метод, важно не то, что происходит взаимодействие с компьютером или телефоном, но на само событие: спор, обмен фильмами или книгами, совместное написание статьи. Пространство оказывается тесно связано с действиями, которые там происходят, и его следует рассматривать именно как составляющую процесса взаимодействия.

Наконец, можно говорить о том, что онлайн — это свойство, возникающее при использовании определенных⁶ средств коммуникации. Тогда нам нужно представлять, как складывается система норм при этом использовании (начиная от азов цивилизации, вроде того, прилично ли говорить с собеседником и одновременно проверять почту на телефоне). В основном исследователи сходятся на том, что отсутствие невербальных знаков влияет на общение, притом по-разному. Например, шведское исследование, посвященное «оцифровке» экономики, показывает, что при заказе пиццы через Интернет люди чаще берут большие калорийные заказы. Точно также, показывают они, в случае с алкоголем, супермаркеты позволили людям покупать больше алкоголя. Иными словами, чем дальше от физического присутствия, тем меньше стеснения при покупке (Goldfarb et al., 2013). Это подтверждают исследования, показывающие, что в телефонных интервью или даже в онлайн-чатах взрослые и дети охотнее говорят на чувствительные темы (Vogl, 2013).

Мы видим по этим исследованиям: изменение условий с оффлайна на онлайн что-то меняет. Есть разница: ставить галочку в электронном опросе или говорить с живым интервьюером. При этом частная жизнь в Интернете воспринимается едва ли не так же трепетно, как частная жизнь вне его. И именно ее защите посвящены многие исследования, и сам факт, что при использовании Больших данных может приключиться утечка лишней информации, уже является достаточным основанием для опасений исследователей. Хрестоматийный тому пример — история с исследованием «4Т», посвященным вкусам студентов одного из американских университетов и их корреляции с их полом, национальностью и социальными связями (Lewis et al., 2009). После выхода этого исследования случился скандал, так как читатели поняли, какой университет имеется в виду, и даже могли по национальным меньшинствам понять, кто именно стоит за анонимизированными данными. Неприятной особенностью было и то, что в исследования попала информация из категории «только для друзей», и, следовательно, сами же сотрудники университета вытащили данные из аккаунтов своих коллег, не спросив их об этом. Подробнее об этой истории можно почитать в статье Майкла Циммера (Zimmer, 2010), но в целом она показывает: то, что происходит в интернет-сервисах — достаточно важно для людей, поэтому нельзя однозначно сказать, что онлайн делает коммуникацию свободной от условностей мира пространства и «реальных вещей».

В целом хотелось бы упредить сторонников огульного разделения или, наоборот, полного слияния онлайн и оффлайна. Следует выбирать язык, который определяет это сходство или различие. Этот язык может сильно повлиять на дизайн исследования в целом.

При работе с любой выборкой подоает проанализировать, как объект использует технологии (вовлечен ли, привык ли). Затем определить, в чем может быть его сложность в применении метода. Объяснить, какие обстоятельства накладывает онлайн. В соответствии с методом, выбрать концептуализацию: говорить ли о фреймах онлайн-взаимодействия (если анализируется взаимодействие, происходящее на онлайн-площадке), использовать интервью с поправкой на особенности онлайн-общения, накладывающие

⁶ Говоря об «определенности» мы, возможно, слишком оптимистичны. Пока нет ясного согласия: какие именно средства коммуникации связаны с состоянием «онлайн». Например, является ли звонок по Скайпу через телефон онлайн-коммуникацией? Если мы стоим на ригористских позициях связи «онлайн» с определенной коммуникацией, то мы должны ответить утвердительно. Но будет ли отличаться практика звонящего — это вопрос спорный.

скорее технологические требования на интервьюера или обращаться к данным в Интернете (с пониманием всех этических особенностей использования таких данных). Онлайн может быть особенностью места, когда вы говорите об интервью или этнографии, но почти всегда накладывает отпечаток на коммуникацию, оказывается одним из свойств общения. В том числе и общения социолога со своим объектом и предметом.

Несколько слов о будущем

Концептуализировать разницу между онлайн и оффлайн — дело как будто бы зряшное. Очень скоро все это станет историей. Граница уже сейчас не определяется окном браузера. Данные онлайн находятся в обычном мире повседневных взаимодействий. Не нужно никакого особенного перевода, чтобы они оказались в так называемом онлайн. Когда телефон отмечает количество пройденных шагов, и может прочертить карту ваших передвижений по городу, это является переводом данных из оффлайн — в онлайн. Когда вы читаете его еженедельные отчеты, это уже снова ваш оффлайн. Телефон — как газета, не более чем переносчик информации.

Похожая ситуация и с методами. Интернет-сервисы предоставляют много удобных инструментов для хранения информации. Конечно, они имеют свои особенности, которые и влияют на характер этих данных. Сообщения в Твиттере — не более 140 символов. Профили на форумах — с псевдонимами, в Фейсбуке — с реальным именем. В Youtube — видео. В Instagram — фото. Все это важные детали, и к ним стоит присматриваться. Так, Зиммель в «Философии денег» не зря приводит подробный рассказ о том, какую роль играет появление мелочи или бумажных денег. У онлайн-сервисов роль материальности выполняют правила интерфейса. Они задают границы для общения или дают возможности для сбора информации. Так все более совершенные статистические инструменты позволяют собирать и анализировать разные базы данных. Но не более того. Новая система хранения данных не означает революции в методах.

Очень важный вопрос для онлайн-исследований уже сегодня — это унификация данных и их обработки. Нам необходимо анализировать, как складывается нормативность в отношении новых методов, чтобы понять, как лучше устроить систему, которая позволит собирать верифицируемые данные и не делать перевод в новую систему каждый раз, когда мы к ней обращаемся. Для этого и нужна сейчас рефлексия метода.

Но важно и другое. Рефлексия «онлайна» — это исторические исследования. Мы сейчас обращаемся к работам Зиммеля, чтобы, вспоминая про период появления мелочи, понять, что такое биткоины. Когда-нибудь мы также обратимся к этим исследованиям, чтобы понять, как методология адаптирует очередное технологическое новшество.

В заключение можно вспомнить, что некогда различие искусственного и естественного, природного и культурного имело решающее значение для науки. В процессе такого различения становилась немалая часть социологического знания. Общество рассматривалось как нечто неестественное, но подчиняющееся законам наподобие законов природы. Со временем стало общим местом, что такая аналогия не очень продуктивна. Нет культуры, отделенной от природы, так же как идея о «нетронутой» природе — часть культуры. Предположу, что различие онлайн и оффлайн ждет та же участь.

Примечание. Использование кавычек, в частности, при употреблении слова «онлайн» и родственных ему, является частью авторской пунктуации.

Литература

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
Гумбрехт Ханс Ульрих. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое Литературное Обозрение, 2006. 180 с.

Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л., 1925. Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479>

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека/пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М. — Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

Савчук В. Рефлексивная спонтанность Дитмара Кампера//Дитмар Кампер. Тело. Насилие. Боль/СПбГУ. СПб.: Изд-во РХГА, 2010.

Степанов М. Аппаратное понимание медиа//Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Серия Философия. 2010. № 3. Т. 2. С. 184–200.

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.

Шюц А. О множественности реальностей//Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2.

Beaudouin V., Velkovska J. The Cyberians: an Empirical Study of Sociality in a Virtual Community//Proceedings of Esprit i3 Workshop on Ethnographic Studies in Real and Virtual Environments: Inhabited Information Spaces and Connected Communities/ed. by K. Buckner. Edinburgh, 1999. P. 102.

Chayko M. What is Real in the Age of Virtual Reality? «Retraining» Frame Analysis for a Technological World//Symbolic Interaction. Vol. 16. № 2. 1993. Summer. P. 171–181.

Goldfarb A., McDevitt R. C., Samila S., Silverman B. The Effect of Social Interaction on Economic Transactions: an Embarrassment of Niches?//NBER Conference on the Economics of Digitization. 2013.

Lewis K. et al. Tastes, Ties, and Time: A New Social Network Dataset Using Facebook.com//Social networks. 2008. Vol. 30. № 4. С. 330–342.

Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier (free in HTML form). 1993.

Volg S. Telephone Versus Face-to-Face Interviews: Mode Effect on Semistructured Interviews with Children//Sociological Methodology. Vol. 43. Issue 1. P. 133–177.

Watkins John Elfreth Jr. What May Happen in the Next Hundred Years//The Ladies Home Journal. 1900. December. URL: <http://www.paleofuture.com/blog/2007/4/17/what-may-happen-in-the-next-hundred-years-ladies-home-journa.html>

Zemnukhova L. Human-computer interaction: Between sociological theory and ethnographic data//The Second ISA Forum of Sociology (August 1–4, 2012). Isaconf, 2012.

Zimmer M. Subject Privacy and the Release of the Tastes, Ties, and Time Dataset//Presented at Workshop on Revisiting Research Ethics in the Facebook Era: Challenges in Emerging CSCW Research, Computer Supported Cooperative Work Conference. Savannah, GA, 2010.